

П.В. Чесноков

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ И ИХ ПАРАМЕТРЫ

Рассматриваются кратко логические (универсальные) и семантические (национальные, зависящие от строя конкретного языка) формы мышления и подробно описываются параметры семантических форм. Выделяется двенадцать параметров, которые представляют собой языковые универсалии. Цель работы – вскрыть все параметры языковых форм. Метод исследования описательный. В результате доказывается существование национальных форм мышления и их двенадцати параметров.

Чесноков Пётр Вениаминович – докт. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Таганрогского государственного педагогического института, Заслуженный деятель науки РФ

© 2007 г. П.В. Чесноков

Логические формы мышления являются общечеловеческими, универсальными. Они порождены коренными потребностями человеческого познания и не зависят от специфики языка, с помощью которого осуществляется мыслительный процесс. Это констатируют многие лингвисты и философы [Панфилов, 1982, с. 39; Брутян, 1979, с. 166].

По словам А.А. Потебни, «логические категории... народных различий не имеют» [Потебня, 1958, с. 69].

Однако А.А. Потебня, опираясь на анализ конкретных языковых фактов, относящихся к различным языкам, одновременно заявляет, что языки различны между собой не одной языковой формой, но всем строем мысли, выразившимся в них (там же).

Создаётся видимость противоречия, которое может быть разрешено лишь благодаря признанию существования в человеческом мышлении двух типов мыслительных форм: универсальных логических форм и форм национальных, связанных с особенностями грамматического и лексического строя конкретных языков, получивших название **семантические формы мышления**. Те и другие локализируются в единой сфере человеческого мышления, будучи неразрывно связанными друг другом, при этом семантические формы как частные наслаиваются на логические формы, обладающие характером всеобщности.

Потебня справедливо усматривает различие национальных форм мышления в слитном осознании лексических и грамматических значений в языках флективно-синтетического строя и их раздельном осмыслении в языках аналитического строя.

Существование национальных форм мышления, зависящих от специфики конкретных языков, признают и представители неогумбольдтианства, ошибочно квалифицируя эти формы как логические.

Г. Хольц обнаруживает, например, различие форм мышления при выражении одного и того же содержания с помощью эргативной и номинативной конструкций предложения, свойственных различным языкам. Действительно, при эргативной структуре предложения в самом понятии субъекта переходного действия мыслится его специфика по сравнению с субъектом непереходного действия (внешняя активность субъекта по отношению к объекту), что исключается при номинативной структуре, при которой специфика субъекта переходного действия осознаётся лишь совместно с действием [Holz, 1953, p. 111; Климов, 1973, с. 48]. Однако с точки зрения логического строя мышления это различие значения не имеет. Связь особой формы мышления с эргативным строем предложения признаёт и З.Г. Абдуллаев [Абдуллаев, 1986, с. 356–368].

Семантические формы мышления могут быть различными не только в разных языках, но и в одном языке в разные исторические периоды, а также в один период, выступая как вариативные формы одного и того же содержания.

Семантические формы крайне разнообразны, поэтому описать все их в отдельности не представляется возможным. Однако им свойственны **двенадцать** параметров, в рамках которых может быть описана каждая форма и которые представляют собой языковые универсалии (как грамматико-семантические, так и лексико-семантические), поскольку их проявление связано не только с грамматическими, но и с лексическими особенностями языков [Чесноков, 1992, с. 24–42; Чесноков, 2002, с. 134–137].

Первый параметр — степень расчленённости содержания мысли.

Одно и то же содержание мысли может быть структурно расчленено на большее или меньшее число сегментов или совсем не расчленено. В латинском *fratris liber*, как и в русском *книга брата*, отношение принадлежности мыслится слитно с понятием о брате благодаря их выражению одним словом. Во французском *le livre du frere* идея принадлежности мыслится отчленённо от идеи брата в связи с их манифестацией разными словами. В английском *I go* субъект действия и действие осознаются раздельно, поскольку отражаются в *лексических* значениях разных слов, в русском *Иду* действие и его производитель осмысливаются совместно в силу слитности осознания лексического и грамматического значений одной словоформы.

Второй параметр — степень самостоятельности содержания мысли.

Если первый параметр касается отношения целостной мысли к её частям, то второй параметр характеризует обратное отношение — от-

ношение частей к целостной мысли. При структурной расчленённости мысли её части осознаются самостоятельно (противопоставляясь друг другу), при нерасчленённости мысли её части мыслятся слитно, т.е. каждая часть осознаётся несамостоятельно.

Третий параметр — распределение совокупного содержания мысли между её структурными компонентами (сегментами).

При сохранении одного и того же совокупного содержания мысли и количества составляющих её компонентов это содержание может по-разному распределяться между отдельными компонентами: какая-то часть содержания может включаться то в состав одного, то в состав другого компонента. В германских языках при наличии в предложении отрицательного местоимения второе отрицание при глаголе не допускается, в связи с чем идея отрицания сливается с понятием о классе отрицаемых предметов (немецкое *Niemand kam*, английское *Nobody came*), и смысл отрицания состоит в утверждении признака относительно отрицаемого класса предметов.

Это же наблюдалось в древнерусском языке. Например: *Никтоже приходилъ къ нимъ* («Житие Феодосия Печёрского» — по списку XII в., л. 456). В современном русском языке благодаря частице *не* идея отрицания подсоединяется к понятию о признаке, который отрицается относительно каждого предмета определённого класса (*Никто не приходил* означает, что каждый представитель класса определённых лиц не приходил). При этом отрицательное местоимение по существу приобретает усилительно-разделительное значение, подчёркивая, что отрицание признака касается каждого предмета в составе класса. В немецком *Er bestieg den Berg* идея локального отношения сливается с содержанием глагола, в соответствующем русском *Он поднялся на гору* эта же идея подключается к содержанию имени.

Четвёртый параметр — характер охвата содержания компонентом мысли.

Если компонент мысли присоединяет к своему содержанию дополнительное содержание, то его содержание, естественно, оказывается более богатым, чем в том случае, когда такого присоединения нет. Как отмечалось выше, в немецком *Er bestieg den Berg* с понятием о действии сливается идея его локальной направленности, поэтому содержание компонента мысли, выражаемого словоформой *bestieg*, оказывается более богатым, чем содержание компонента мысли, воспроизводимого словоформой *поднялся* в русском *Он поднялся на гору*.

Пятый параметр — порядок следования компонентов мысли.

Порядок слов, который может быть различным в разных языках, оказывает влияние на порядок следования компонентов мысли. Поэтому при мышлении на разных языках порядок следования компонентов мысли может быть различным. Так, в литовском языке несогласован-

ные определения в родительном падеже предшествуют определяемым ими существительным, а в русском следуют за ними (ср. литовское *autobuso sustojimo vieta*, *Gedemino pilies bokstas* и соответствующие им по объективному содержанию русское *место остановки автобуса*, *башня замка Гедеминаса*).

Шестой параметр — система отношений между компонентами мысли.

В любой ситуации существуют различные отношения между её компонентами. Познавая один и тот же участок действительности, люди могут в одних случаях отображать одни отношения между его частями, а в других случаях — другие. В связи с этим возникают различия в системе отношений между компонентами мыслей, отражающих одну и ту же ситуацию, что может проявляться в различии систем синтаксических отношений, свойственных разным языкам. Например, в немецком языке возможно употребление оборота «винительный падеж с инфинитивом» (*accusativus cum infinitivo*) после глаголов чувственного восприятия. В содержании предложения *Ich hoere einen Vogel singen* отражаются отношение слухового восприятия к птице, отношение птицы к пению и отношение слухового восприятия к пению. В соответствующем русском предложении *Я слышу пение птицы* раскрываются лишь два из этих отношений, отношение слухового восприятия к птице не выявляется.

Для санскрита характерны предложения типа *Убит ногами слонами*, в которых отражаются отношения действия к его орудию и к субъекту, в соответствующем же русском предложении раскрываются отношения действия к орудию и орудия к субъекту (*убит ногами слонов*).

Седьмой параметр — направленность отношений между компонентами мысли.

Всякое отношение между вещами есть взаимоотношение, т.е. единство отношения первой вещи ко второй и обратного отношения второй вещи к первой. Однако в мыслительно-речевом процессе реальная двунаправленность отношений в каждый данный момент отражается односторонне. Поэтому при отражении отношений между одними и теми же явлениями направленность отношений между компонентами мысли может быть различной. Для русского языка характерны безличные предложения типа *Как тебе служится?*, в содержании которых отношение направлено от понятия о действии к понятию о его производителе, о чём свидетельствует направленность синтаксического вопроса *Служится кому?* В содержании соответствующего немецкого предложения *Wie dienst du?* отношение направлено от понятия о производителе действия к понятию о действии, о чём тоже свидетельствует направленность синтаксического вопроса *Was machst du?*

Восьмой параметр — собственно отношения между компонентами мысли.

При различной направленности отношений между компонентами мысли зачастую различными оказываются и сами отношения. В содержании предложения *Как тебе служится?* раскрывается отнесённость действия к его производителю, в содержании соответствующего немецкого предложения — осуществление действия его производителем.

Девятый параметр — степень структурной полноты мысли.

При мышлении на любом языке мысль, выражаемая той или иной языковой единицей (обычно предложением), может быть структурно полной, не нуждающейся в восполнении за счёт контекста или ситуации и структурно неполной, требующей такого восполнения, если в ней содержатся «ненасыщенные» отношения, т.е. такие, для которых не указан второй компонент этих отношений, в сторону которого они направлены. Мысль *Трамвай идёт* является структурно полной, поскольку в ней нет «ненасыщенных» отношений. Мысль *Идёт* не обладает структурной полнотой, так как утверждение действия относительно субъекта невозможно без отражения самого субъекта. Неполнота присуща и мысли *Читатель несёт*, в которой содержится идея направленности действия на объект, но отсутствует понятие об объекте.

Десятый параметр — степень повторяемости содержания.

Независимо от специфики языка в познавательном процессе определённый факт действительности может отражаться лишь один раз, но его отражение может и повторяться, что часто осуществляется благодаря повторению одних и тех же языковых единиц, употреблению синонимов или местоимений. В этом случае повторение является целенаправленным. Непреднамеренным и в то же время обязательным повторение одного и того же содержания оказывается при совпадении лексических и грамматических значений. Говоря *десять домов*, мы выражаем идею множества дважды — с помощью числительного и формы множественного числа существительного.

Одиннадцатый параметр — уровни формирования мысли.

В рамках этого параметра выделяется две ступени в формировании мыслительного содержания — уровень прямого (непосредственного) формирования мысли и уровень косвенного (опосредованного) формирования мысли. В случае прямого формирования мысль порождается в силу интенции сформировать именно данную мысль. При косвенном формировании определённой мысли первоначально порождается иное мыслительное содержание, из которого затем вытекает данная мысль. Так, при выражении идеи времени с помощью временных форм глагола эта идея формируется и раскрывается непосредственно. При употреблении форм повелительного наклонения непосредственно порождается идея побуждения к совершению определённого действия, но из этой идеи вытекает мысль об отнесении действия к будущему времени, поскольку факт побуждения к какому-либо действию означа-

ет, что данное действие не совершилось, не совершается в данный момент, а может осуществиться лишь в будущем (зачастую в ближайшем) [Бондарко, 1992, с. 8–9].

Двенадцатый параметр — статико-динамическая характеристика мысли.

Он касается свойства мыслительного содержания в процессе его реализации в одних случаях не изменять семантическую форму, а в других переходить от одной семантической формы к другой, меняя зачастую свой статус на противоположный. Например, при парцелляции основное предложение первоначально обладает своим внутренним тема-рематическим членением. Благодаря же присоединению парцеллята всё оно превращается в тему нового высказывания, в рему которого трансформируется парцеллят. Мысль, выраженная основным предложением, обладающая первоначально структурной самостоятельностью, теряет в ходе её реализации эту самостоятельность, превращаясь в компонент новой мысли. В построении *А старик рад и так счастлив. Что мы пришли* (А. Битов) на низшей ступени в рамках основного предложения темой является подлежащее *старик*, а ремой вся группа сказуемого *рад и так счастлив*. На высшей ступени сочетание темы и ремы низшей ступени превращается в тему высшей ступени с ремой *что мы пришли*.

Именно в этом параметре наблюдается различие между сложным предложением и соответствующим ему по содержанию сложным синтаксическим целым. В сложноподчиненном предложении *Когда пошёл дождь, дети побежали в дом* отражение событий носит одноступенчатый характер, и поэтому отношение между простыми ситуациями, представленными в предикативных единицах, мыслится изначально. В сложном синтаксическом целом того же содержания *Пошёл дождь. Дети побежали в дом* простые ситуации отражаются в два этапа с изменением формы мысли. На низшей ступени каждая простая ситуация отражается в виде особой единицы мышления, на высшей ступени осознаётся отношение между простыми ситуациями, соответствующими отдельным предложениям, и их отражения сливаются в одну единицу.

Поскольку в любом языке существуют факты, которые могут быть охарактеризованы в рамках каждого параметра семантических форм, эти параметры должны быть признаны языковыми универсалиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаев З.Г.* Проблемы эргативности даргинского языка. М., 1986.
2. *Бондарко А.В.* К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов в семантике: интерпретационный компонент грамматических значений // Вопросы языкознания. 1992. № 3.

-
3. *Брутян Г.А.* Очерки по анализу философского знания. Ереван, 1979.
 4. *Климов Г.А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
 5. *Панфилов В.З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
 6. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
 7. *Чесноков П.В.* Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. Таганрог, 1992.
 8. *Чесноков П.В.* Прагматический аспект семантических и логических форм мышления как значения грамматических структур // *Личность, речь и юридическая практика.* Вып. 5. Ростов н/Д., 2002.
 9. *Holz H.* Sprache und Welt. Probleme der Sprachphilosophie. Frankfurt am Main, 1953.